

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАТАША И ЕЁ КОБЕЛИ

МАГДАЛИНА ШАСТЬ

Магдалина Шасть Наташа и ее кобели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48806428

SelfPub; 2022

Аннотация

Студентка Наташа мечтает о свободе и простых человеческих страстях, отчаянно надеясь стать настоящей женщиной. В ее жизни присутствует и секс, и любовь, но все не так и не с теми. И надо что-то с этим делать. Срочно. Прямо сейчас.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Моя семья	4
Аллочка	11
Нинка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Магдалина Шасть

Наташа и ее кобели

Моя семья

Мы сидим за одним столом всей семьёй, попивая ароматный чаёк с горячими пирожками. Моя бабушка – додельница, напекла их сегодня поутру в настоящей русской печи. С картошкой и печёнкой – мои любимые... Неспешный, тихий разговор, изредка прерываемой бархатистым маминым хихиканьем и незлобными дедушкиными прибаутками, приближает время послеобеденной неги. Сонная муха, нагло кружащая над щедрым столом, неохотно садится на краешек спинки бабушкиного стула. Но, брезгливо гонимая сучающим по спрятанной в глубоких недрах холодильника бутылке самогона отцом, неспешно взмывает вверх с недовольным жужжанием.

– Спасибо, было очень вкусно, – пытается бодриться трезвый и оттого грустный папа, дёргано выпрыгивая из-за стола, – Я, это, за сигаретами сбегая, – виновато оглядываясь на мать, добавляет он.

– Курит по две пачки в день, весь табаком провонял, – ворчит мама, хмуря брови, пока раздражающий её супруг, похожий на нашкодившего кота с прижатыми ушами, тороп-

ливо выбегает из комнаты, – Еще и водку купит, вот увидите...

– А и куплю, – выкрикивает отец визгливым баритоном, невольно застревая в дверном проёме и раздвигая пёстрые занавески широкими плечами. Одна из шторок цепляется за гвоздь в косяке.

– Миша, мухи!!! – кричит на папу неугомонная мама и тот неаккуратно одёргивает злополучную шторку, попутно показывая недовольной супружнице язык.

– Ой, ну что за чудак? – хитро щурится бабушка, доедая пирожок с курагой.

– Что Вы, мама, какой чудак? Нажрётся опять этот чудак, – начинает, было, мать свой ежедневный трындеж, но закончивший трапезу дедушка, перебивает её.

– Ты, Маша, не кричи, ну и выпьет. И все мы выпьем. За ужином сам бог велел, по чуть-чуть, для сна.

– Я, папа, не буду. У меня голова от этой дряни болит, – не унимается мама, – Да и Наташе не наливайте. Что это за манера: детей спаивать? И так вся в отца: ни одной рюмки не пропустит.

– Ты... что это-о-о? – от возмущения слова на кончике моего языка слипаются в одно тягучее “о”, и я чувствую, как щёки багровеют. Пообедали, блин. Начинается.

– Ничего-ничего, – пытается смягчить ситуацию бабушка, нежно похлопывая меня по коленке шершавой тёплой ладонью, – Ты иди, Вась, отдохни...

– Ну что ты, Маша? Зачем его заводишь? – громким шёпотом шепчет бабушка, когда дедушка, наконец, удаляется, – Ты же знаешь, как он всё близко к сердцу.

– Вот. Всё из-за тебя! – шипит мама, бросая на меня возмущенный, полный осуждения взгляд, – Всё ты!

– Из-за меня? – я ошарашенно разглядываю злобные межбровные морщинки на мамином лице и чувствую, что закипаю. По её версии я всегда и во всём виновата. Потому что великовозрастная нахлебница. А я студентка вообще-то, а не нахлебница! Студентка престижного ВУЗа!

– У всех дети, как дети, а эта...

– Я? Я? Да причём здесь я?! Бабушка! – слезы обиды, смешанные с невысказанным гневом, уже невыносимо щиплют глаза, но добрая бабушкина ладонь крепко сжимает мою нервно дрожащую коленку. И я в который раз малодушно застыкаюсь, проглатывая очередную порцию негатива. Несправедливость – вся моя маленькая жизнь. Ничего. Переварю. Соляной кислоты достаточно. А вы смотрите желчью не подавитесь, господа родители!

– Спасибо за всё, – театрально подвожу итог я, нарочито важно поднимаясь из-за стола.

– А посуду за тобой кто мыть будет? Вечно кто-то должен им, – обед окончательно испорчен, а я понимаю, что уснуть не получится.

– Маша, да я помою, – тихо произносит бабушка, но её истеричная дочка, оседлавшая любимого конька, делает вид,

что не слышит. Мою маму хлебом не корми – дай повоспитывать.

– Посуду помой! – некрасиво морщась, орёт она на меня, и я, не сдержавшись, со звоном швыряю чайную ложку в кружку, – Ты посмотри, какая!

Минут десять спустя мы дружно моем с бабушкой посуду, и я возмущённо рассуждаю о жизни, плюясь слюной во все стороны.

– Неужели она не понимает, что люди не хотят делать ничего, когда из-под палки? – ропщу я на родительский беспредел неистово, распаяя себя всё больше и больше, – Да я перебить хочу эту посуду, а не мыть.

– Ну, она обижается на тебя, – робко пытается вступить за мать бабушка, устало опуская глаза.

– Да какого чёрта она обижается?! – даю волю эмоциям я, уже открыто психую и почти визжа.

– Ну ты же пьяная вчера пришла и поздно, – рубит бабушка с плеча правду-матку, но меня этим уже не испугать.

– Во-первых, я всегда гуляла до двух, как мы с тобой и договорились. Так?

– Ну она против, что так поздно...

– Здесь ты хозяйка, и я договариваюсь с тобой! Вчера был день рождения Аллки и ты прекрасно об этом знала. Я не понимаю, зачем устраивать чёртов спектакль?

– На той неделе ты тоже приходила пьяная, тебя потом рвало полночи. Тоже день рождения? – неожиданно бабушка

ЯЗВИТ.

– Да, представь себе. У Ромки. И мне стало плохо, так бывает. Мне 22 года, неужели я не могу посидеть с друзьями?

– А разве Ромка – твой друг? – видимо сегодня я тоже нажрусь, потому что родственники перешли в наступление. Я с чувством выдыхаю.

– Я весь год училась! Весь год, понимаешь? **ВЕСЬ** год, – чувствуя, что сейчас разревусь от жалости к себе, я шумно вытягиваю воздух носом, – У меня хорошие оценки, но этого никто не замечает! Я умная и ответственная, но кому это нужно? Все видят во мне лишь урода. Мне целый год не с кем поговорить, потому что ОНА выгоняет моих подруг, чтобы они не звали меня гулять, потому что темно. Мне нельзя гулять по темноте! Ты представляешь? Я из универа по темноте еду, а гулять нельзя! У меня нет друзей. Нет парня. Нет никого! А ОНИ еще язвят, что я домоседка! А я человек! **ЧЕЛОВЕК**, понимаешь ты это? Я тоже хочу танцевать в клубе до утра, как мои однокурсницы, потому что молодая!!!

– До утра не надо, Наташа...

– А-а-а-а, – жалея, что ненароком выдала свои желания, я сажусь прямо на пол и вою в голос, никого не стесняясь.

– Ну вы просто нервные, какие-то обе нервные, – причитает бабушка, бросая посуду и хватая меня за плечи, – Давай налью валерьяночки, вставай не кричи, дедушка увидит, ему плохо станет...

– Дедушке плохо, бабушке плохо, маме с папой плохо, а

мне, блять, хорошо, – вою я, сопротивляясь и отодвигая бабушку, – да чтоб я сдохла, побыстрее сдохла, как же я устала! Не могу!

– Ой, да что ж ты говоришь, дурная? Материшься. Что ж ты говоришь, грех-то какой, – чувствуя, что довела бедную старушку до дурноты, я перестаю с ней бороться и обнимаю.

– Всё, я больше не буду. Больше не буду. Я сильная. Всё будет хорошо. Извини меня, пожалуйста, – как обычно я вытираю нечаянные слёзы, чувствуя, что в груди оседает злое чувство вины и жалости к старенькой бабушке и даже немножко к матери, которая за меня беспокоится и реально не понимает, что на танцполе весело, – Я же всегда тебе помогаю и полы мою и посуду, правда? Хочешь за коровой сегодня схожу?

– Ой, Наташа, да не надо! Я сама за коровой схожу, пройдусь хоть. Живите с мамой дружно.

– А вот она уедет в среду и будет дружно...

– Наташа.

– Что здесь происходит? – появившаяся на пороге мама смотрит на нас с ехидной усмешкой. Я тщетно пытаюсь угадать, как долго она подслушивает наш разговор, – Что, пытаются разжалобить Вас, мама? Я смотрю – обнаглела в конец, завтра утром домой поедешь, поняла?

– Ага, уже, – взвизгиваю я воинственно.

– Ах ты, дрянь! – но тут появляется изрядно подвыпивший папа и злобная фурия переключается на него, – Явился,

глаза залил! Не терпится в свинью превратиться?

– Маша!

– Миша!

Пользуясь подходящим случаем, я выбегаю во двор в бодром подрыве и, как есть, в красном халате с розовыми пуговицами, стремглав несусь на улицу, нервно хлопая калиткой. Только б петухи ничего дурного не замыслили – они, говорят, на красное кидаются. Как и быки. Му-у.

Аллочка

Утопающий в зелени плодовых деревьев невысокий дом из белого кирпича манит возможностью высказаться. Дружеское участие мне сейчас не повредит. Аккуратные клумбы с длинными жёлтыми цветами вдоль цементированной дорожки радуют глаз и заставляют задуматься. Сколько приезжаю к бабушке, а название этих дурацких цветов до сих пор не знаю! Вон астры! Их знаю. Астра нормальный цветочек. А эти... фиг поймёшь. Вся деревня утопает в них ближе к осени. Не люблю. Ни осень, ни цветы эти. Жёлтое и то, и другое.

– Аллка, есть сигареты? – на бегу поздоровавшись с представительной хозяйкой дома, тётей Валею, ковыряющейся в огороде, широким задом кверху, я врываюсь на соседскую кухню, туда, где белокурая Валькина дочка усердно лепит пельмени. Алла живёт через два двора. Это очень далеко по сельским меркам. Не догонят.

– Да тихо ты, – испуганно озираясь, шипит стряпуха, так как у деревенских не принято афишировать, что девушка курит. Хотя об этом все и так знают, – Есть. Ща доделаю. Пойдём.

– А выпить? – Аллка внимательно разглядывает моё заплаканное лицо в потеках чёрной туши, – Пойди в зеркало посмотришь, а то только коров пугать, умойся. Кто обидел? Мужики у нас дурные, да.

– Да какие мужики? Мать приехала, – подтирая следы недавней истерики вонючей Аллкиной смывкой, отзываюсь я.

– О, тут надоть налить, – подруга вытирает руки, обильно обсыпанные мукой, прямо о подол выцветшего на солнце платья и воровато выглянув в окошко, достаёт из-под стола бутылку самогона.

– Ух ты!

– Да и я с тобой приму, с утра башка трещит после вчерашнего, а не с кем.

Аллка, одна из немногих деревенских девчонок, которая общается со мной чистосердечно и бескорыстно: по крайней мере не завидует и регулярно подкармливает. Кроме того, она симпатичная. Обесцвеченная пышная чёлка, шальной взгляд из-под длинных ресниц, затянутые поволокой голубые глаза, именуемые в народе блядскими, – короче, всё в Аллке гармонично и грамотно, кроме женской судьбы. Добрая она слишком для такой яркой внешности.

Накатив по паре стопочек, закусив вкусным деревенским хлебом, посыпанным солью, мы дружно идём курить за сараи. Аллкина мама, работающая в огороде мотыгой, намаявшись за день, устало окликает дочь, вытирая со лба пот.

– Ну мы жрать-то будем сегодня, не? Наташа, с нами обедать сядешь? Ты такого вкусного борща, как у меня, в городе не найдёшь, – самодовольно нахваливает себя нескромная соседка. Я застенчиво киваю тёте Вале в знак согласия, ви-

новато оглянувшись на её долговязую дочь, которая невозмутимо и молчаливо продолжает движение, сверкая загорелыми коленками, будто никого не слышит, – Опять они курить. Ты пельмени в морозилку засунула?

– Ой, мам, – презрительно фыркает Аллка, морща аккуратный носик, – Шарикку скормила пельмени твои.

– Вот стерва, вся в меня, – добродушно ржёт Аллкина мамашка, сотрясая воздух богатыми боками, – Лука нарви, к борщу.

– Ой, нарву...

– Как ты с ней невежливо, – замечаю я удивлённо, вынимая из протянутой пачки «L&m» сигарету. Купить их в посёлке можно только у местных барыг, да и то ночью, днём даже в магазине не вариант – продают исключительно мужикам. Шовинизм. Глупость. Но что делать? Продавщицы, кстати, и сами дымят, но тоже тайком. Традиции.

С заднего двора деревенская жизнь выглядит немного иначе, чем с парадного входа. Здесь всё по-простому. Пахнет соляркой и машинным маслом, отдаёт коровьим навозом и соломой. Неизбалованный человеческим вниманием телёнок жадно тянется носом сквозь широкую щель в заборе. Белые куры любознательно заглядываются на нас с Аллкой в надежде разжиться съестным, но скоро понимают, что не выйдут. Ой, петух, блин! А я в красном. Да и ну его. Отобьёмся.

Хорошо-то как! Ветерок. Солнышко.

– Ой, ну её, – отмахивается Аллка брезгливо, имея ввиду тётю Валю, – С утра Сизый, блять, пришел, а за ним его жена, истеричка конченная, прошмандень. Говорю дуре этой, – кивает дочка в сторону матери, – Не зови в дом мерина во-нючего, как отец за порог, этот сюда, блять. Ну и чо... Та прошмандень этой прошмандени в волосы вцепилась, я разнимать. Сизый шлёпает-заикается: Мань, успокойся, Мань, не гнусавь... Та ему в пятак кулаком. Пришлось соседа, дядю Пашу звать, мне, блять, смари чо поставили, – Аллка задирает рукав, обнажая огромный фиолетовый синяк на пол плеча, – На ноге еще, уёбища, и пол рожи расцарапано, блять. Мне на свадьбу в субботу ехать. Конфуз.

– Да на лице вроде не видно.

– Это потому не видно, что я левой стороной стою, – подруга поворачивается другой щекой и я с удивлением обнаруживаю на её симпатичной загоревшей мордахе несколько свежих ссадин.

– Ого, надо же, не видела.

– Вот, а ты говоришь, мать приехала. Куда б ЭТА уехала. Сизый жене клок волос выдрал, та лопату схватила. Потом я еще их успокаивала, мол, бля буду, мать «нитаякая». Ага. «Нитаякая». Говорила же, найди любовника с колхоза, раз так припёрло шмондеть. Колхоз далеко, уехал мужик на заработки, да и уехал. Нет, через две избы нашла. Пизда.

– Откуда ты знаешь, что любовники? – совсем позабыв о

своих злоключениях, вылупляюсь я на рассказчицу с неподдельным интересом.

– Ну чё ты, как дитё, Наташ? Еще б я не знала, всё под носом. Да я и не осуждаю. С таким-то батей, – Аллка голубоко затягивается с многозначительным видом, – Я б то ж гуляла. Неделю пьёт, валяется под забором, мы ему там даже подстилаем, когда прохладно, – Аллка смеётся, отчего её голубые глаза по-доброму светятся, – Я, это, пьяненькая такая! Пойдем жрать. Мать нам нальёт на радостях, что голову не снесли.

– Алла, лук, – напоминаю я авторитетно, поднимая указательный палец к небу.

– Ото ж, – откликается подруга, белозубо скалясь.

В общем, я второй раз обедаю.

Вечером, часам к десяти, когда уже смеркается, пьяная и прокуренная я являюсь домой. От души наслушавшись, какая я хорошая и интеллигентная девушка и как Аллочке повезло со мной дружить, в добром расположении духа, я захожу в наш храм любви и света, где никогда не происходит подобных Аллкиным страстей. Тяжёлая оплеуха обжигает моё левое ухо и отбрасывает по инерции вправо. Чудом устояв на ногах, я вижу в темноте коридора разъярённое, искривлённое злобой до неузнаваемости материно лицо и едва успеваю поймать её за руку.

– Ты...ты чего? – растерянно произношу я тихо, опасаясь переполошить весь дом.

– Ах, ты, тварь, треплешь всем нервы, – шипит мать мне в лицо, тщетно пытаясь еще раз по нему вмазать.

– Ты в своём уме, нет? – интересуюсь я искренне, – Мне теперь из дома вообще не выходить? День на дворе.

– Да от тебя за километр разит, пьянь...

– Убери от меня руки и прекрати истерику, – удивляясь своей невозмутимости, твёрдо произношу я.

– Скажи спасибо, что дедушка уже спит, опять с сердцем плохо. Довела.

– Я? Чем?

Утро начинается в шесть утра с команды подниматься. Нет ни обычных сладких «потягушек», ни закрытых заботливо ставень, чтобы не потревожить мой молодой и оттого крепкий сон. Один сплошной крик и невроз.

Минут десять я визжу, как поросёнок, что никуда не поеду, а мать орёт, что сейчас потащит меня прямо в одних трусах через всю деревню, чтобы все видели, какая я пьянь, дрянь, подстилка и насколько не уважаю своего больного дедушку. Бабушка стоит рядом с мамой и лишь тихонько повторяет: “Наташа, надо слушать маму, Наташа...” и тому подобное.

Дедушка, вышедший во двор до ветру, входит неожиданно и застаёт «картину Ильи Репина» во всей красе. Грозно окидывая мать и бабушку налившимися кровью глазами, он вдруг громко рявкает на них, сжимая кулаки: “Вы тут шта? А-а-а-а?”. Обе разом замолкают.

– Наташа, что случилось? – участливо спрашивает он, дружелюбно ко мне наклоняясь.

– Я в город не хочу. У меня же каникулы, – всхлипывая, отвечаю я, прячась под одеяло от унижения.

– Слышали? Она не хочет. Стервы, довели девчонку, – метая глазами молнии, бушует дедушка, – Не хочет! Понятно-о-о?! – и добавляет много мягче, глядя на меня с любовью, – Оставайся сколько хочешь и никого не слушай.

Победа. Победа. Победа.

Замолчавшая мама очень быстро собирает вещи, так и не похмелившегося с утра папу и всю свою неуёмную злость и униженно отбывает в город тем же утром.

Вечером того же дня мама как ни в чём не бывало звонит и крайне вежливо сообщает, что будет ждать меня на следующей неделе, так как “Наташенька, у тебя же начнутся занятия”.

Вот такая, блин, история.

Нинка

Ужас, конечно, ужасный, но поначалу приятный разговор иногда плавно перетекает совсем в иное русло. Мы сидим с бабушкой за столом, и я тщетно пытаюсь настроиться на поедание яичницы. Не то, чтобы я ненавижу яичницу, но я люблю глазунью, а это блюдо, густо снабжённое поджаренным луком и в произвольной форме смешанные белки с желтками, наводят какую-то небывало серую тоску. Обычно бабушкину яичницу мы едим перед отъездом в город, что само по себе тот ещё стресс, но сегодня, без какой-либо задней мысли, она приготовила её в качестве субботнего завтрака. Видимо, из-за тоски по отбывшей восвоеси террористке. Что поделать? Для бабушки моя истеричная и неадекватная мама – всего лишь любимое дитя. Нанизав маленький кусок отвратительной яичницы на вилку, я отправляю её в рот, стараясь не кривиться. Жирно...

Речь заходит о Нинке. Нинка – моя соперница настолько, насколько ею может быть глупая, конопатая девица, с длинным носом и низко посаженной жопой. На её жалком фоне я безумно красивая и ладно скроенная студентка престижного ВУЗа с блестящими перспективами, с мягкими, ухоженными волосами и нежной, бархатистой кожей. Мои зубы идеально белые, а моя упругая задница самая лучшая задница из всех разномастных задниц мира. И даже веснушки на со-

вершенном, сияющем здоровьем и молодостью лице лишь добавляют шарма очаровательной улыбке.

– Нинку-то отчислили из училища, – заявляет бабушка, шумно потягивая из чашки напиток с цикорием, который именуется кофейком.

– Не мудрено, она же тупая, – компетентно ухмыляюсь я.

– Да там и до учёбы-то не дошло, прогуливала и устраивала пьянки в общежитии.

– Эта может, – я пренебрежительно фыркаю.

– А мать её везде чешет, смех, мол, Нина-то у меня красивая, мальчишки прохода не дают, мешают учиться. Что ж за люди? Рыбкой извернутся, чтоб непутёвое свое защитить.

Жирная яичница застревает у меня в горле от мгновенно нахлынувшей боли. Никогда-никогда не защищают меня мои родные, даже горячо любимая бабушка, перед чужими людьми! Зависть тяжелым, смердящим облаком окутывает всё моё тщедушное, разом усохшее тело, а жидкие волосёнки превращаются в жёсткую, неаккуратно торчащую мочалку. Если посмотреть повнимательней, у Нины густые и шелковистые волосы, залиvistый смех и невероятно сексуальный тембр голоса. И сиськи у неё больше. А Колька, которого я увела у Нинки в прошлом году в отместку за Ваську, всего-то больной фурункулёзом, озабоченный задрот, никому, впрочем, как и мне, особо не нужный... Васька-то был однозначно интересней. Хотя, о чем я? Этот мудака бросил нас обоих. Ну то есть как бросил. Нинку бросил. А я спро-

воцировала. Да, именно... Но, сука, как он мне нра...

– Наташа, ты здесь? О чём думаешь опять?

– Тошнит меня. Жирно.

Спросить – не спросить?

– Бабушка, а почему вы никогда меня не защищаете? – выдаю я зло, – То есть непутёвую Нинку мать защищает. Да всех защищают. И Ваньку-алкаша вон... А я? Я? Что я такая стрёмная? Что я не заслуживаю?

– Зачем мы тебя защищать должны? Живи порядочной жизнью и все о тебе будут отзываться хорошо.

– Понятно...

Что такое “порядочная жизнь”, когда буквально всё село живёт как попало, но только не порядочно, по крайней мере с точки зрения бабушки? Ну вот, допустим, пьянствовать аморально, от слова совсем. Сомнений тут быть не может – плешь мне за мои невинные пьянки проела. Так какого тогда чёрта вы неделю назад нажрались на кладбище, как поросята, а дедушка чуть не подрался с Петровыми из-за политических убеждений? Ну да. Эта же Красная горка – поминание усопших и дружеская потасовка на могилах. Все цветы поломали, позорище. Но это же праздник. Ну и потом – Петров первый начал. А то, что мой дедушка мастер провокации, так это характер такой. Они же мужики, им всё можно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.